

**СОВЕТСКАЯ
ФИЛОСОФИЯ СОЗНАНИЯ
ЭТЮДЫ ПО ИСТОРИИ ИДЕЙ**

МОСКВА
ИЗДАТЕЛЬСТВО
«КАН Н-ПЛЮС»
2022

ББК 87.3(2)6
С 56

*Работа поддержана грантом РФФИ,
проект № 20-011-00646*

Рецензенты:

В.А. Лекторский, академик РАН,

Е.В. Мареева, доктор философских наук, профессор

С 56 **Советская философия сознания: этюды по истории идей** / под ред.
А.Д. Майданского. – М.: Канон+ РООИ «Реабилитация», 2022. – 336 с.

ISBN 978-5-88373-752-6

В монографии исследуется генезис философской теории сознания в Советском Союзе во второй половине XX века. Ее становление и развитие совершались, прежде всего, через противостояние и полемический диалог сторонников культурно-исторического и трансцендентального подходов в исследованиях сознания. В Приложении собраны неизвестные широкому кругу читателей тексты Э.В. Ильенкова, М.К. Мамардашвили и Мих. Лифшица, публикуемые с историко-научными комментариями.

Книга адресована философам и психологам, а также всем, кто интересуется природой и устройством сознания, историей отечественной культуры и философской мысли.

ББК 87.3(2)6

Охраняется законодательством об авторском праве. Воспроизведение всей книги или любой ее части запрещается, в том числе и в Интернете, без письменного разрешения издателя. Любые попытки нарушения законодательства будут преследоваться в судебном порядке.

ISBN 978-5-88373-752-6

© Майданский А.Д., 2022

© Климова С.М., 2022

© Гаспарян Д.Э., 2022

© Издательство «Канон+» РООИ «Реабилитация»,
оригинал-макет, оформление, 2022

Предисловие

Проблема сознания стара как сама философия. «Мудрость в том, чтобы говорить истину и действовать согласно природе, осознавая», – учил еще Гераклит. Увы, мудрых на свете мало. «Что ж касается остальных людей, то они не осознают того, что делают наяву, подобно тому как этого не помнят спящие»¹. Философ призван будить и прояснять дремлющее человеческое сознание, согласуя его с природой вещей. На протяжении всей истории философии исследование сознания шло рука об руку с поисками «логоса», природы вещей.

В очередной раз со всей остротой проблема сознания встала перед мировой философией во второй половине XX века. На то были свои исторические причины: появление компьютерных технологий и связанные с этим надежды на создание искусственного интеллекта, «машины умнее человека», с одной стороны, и взрывное увеличение степеней свободы человеческой личности (у нас – в недолгие годы «оттепели»), с другой. Тектонические сдвиги в толще «общественного бытия», по обыкновению, отразились в глубоких трансформациях сознания, включая и философское самосознание эпохи. В такие минуты истории философия делается мирской, а мир – философским, как писал еще мало кому известный газетчик по фамилии Маркс. Прибавив: философия не обещает миру ничего, кроме истины. Давай посмотрим, читатель, какие истины о сознании открыли миру советские философы.

Для начала определимся с системой координат, в которой текла у нас философская мысль о сознании и развивалось все учение о мышлении, Логика с большой буквы. Сразу оговоримся, что и эта координатная плоскость совсем не нова. Она сформировалась в начале XIX столетия, когда Гегель противопоставил *трансценден-*

---

¹ Гераклит: В112, В1 DK (пер. А.В. Лебедева). См.: Фрагменты ранних греческих философов. Ч. I: От эпических теокосмогоний до возникновения атомистики. М.: Наука, 1989. С. 189, 198.

тальному подходу, «критицизму» кантовско-фихтевского покроя, – исторический принцип исследования в своей «науке об опыте сознания» (часть первая «Феноменологии духа»). На смену абстракции «трансцендентального субъекта» пришли культурные «гештальты» господина и раба, верующего и скептика, моралиста и реалиста, просветителя и романтика. Гегель подчеркнуто избегает самого термина «трансцендентальный» – тот ни разу не встречается в его книге, хотя еще совсем недавно Гегель именовал свою философию «трансцендентальным идеализмом», по примеру Фихте и Шеллинга.

Полвека спустя Герман Коген предпринял попытку сделать прививку историзма трансцендентальной философии (правда, ограничившись историей естествознания). Ту же задачу решали у нас участники Московского логического кружка в 1950-е годы. Насмерть воюя с «гегельянщиной», они не забывали брать у Гегеля уроки исторического мышления. Их наставником был поначалу А.А. Зиновьев, однако он вскоре оставил кружок; несколько лет спустя и остальные – Г.П. Щедровицкий, М.К. Мамардашвили и др. – пошли каждый своей философской (или же социологической, как Б.А. Грушин) тропой.

В 1920-е годы Л.С. Выготский создал культурно-историческую теорию сознания; его своевольные ученики, во главе с А.Н. Леонтьевым, в течение еще нескольких десятилетий продолжали задавать тон исследований сознания на этом фланге. С ними близко общался, а впоследствии и сотрудничал, лидер нового поколения советских философов – Э.В. Ильенков.

Противостояние двух партий – гегельянски ориентированных логиков-диалектиков² и кантиански ориентированных логиков-методологов – определяло ход обсуждения проблемы сознания в советской философии вплоть до конца ее существования, в течение без малого сорока лет.

Была, впрочем, еще и третья партия, ведущая свою родословную от академика И.П. Павлова и его воинственных адептов – солистов Павловских сессий вроде Э.А. Асратяна. Они искали разгадку тайн сознания в структурах коры головного мозга. Со временем на этом

---

² Коллеги из МГУ окрестили их «гносеологами», на неокантианский манер.

фланге обосновались кибернетики и сочувствующие им философы-натуралисты, видевшие в сознании «комплекс программ обработки информации» (академик Н.М. Амосов) или образующуюся в человеческом мозге «информационную структуру» (Д.И. Дубровский). Кто мог – трудился над «расшифровкой мозговых нейродинамических кодов», кто не умел – философски обмозговывал работу ученых собратьев. На Западе, прежде всего в англо-американском научном сообществе, партия натуралистов представлена группой теорий и целых течений в когнитивистике и «аналитической философии сознания».

В нашей книге помещено интервью с Д.И. Дубровским, есть параллели с аналитической философией сознания, но основное внимание уделяется все же противостоянию культурно-исторических и трансценденталистских концепций, начиная с двух самых ярких, оригинальных и наиболее влиятельных фигур – Э.В. Ильенкова и М.К. Мамардашвили.

Культурно-историческая теория рассматривает сознание как идеальную форму общественной жизнедеятельности людей, ставшую функцией индивидуальной психики. В процессе совместной деятельности – «делового», а затем и словесно-знакового общения – нормы и схемы культурной жизни, по Выготскому, «вращиваются» в психику, образуя в ней особый идеальный слой, систему «высших психологических функций» – сферу сознания. В отличие от психических функций низшего порядка сознание представляет собой *культурный* взгляд на вещи. Сознание возникает в ходе освоения предметного мира культуры, в процессе «распредмечивания» артефактов, овладения идеями, которые вложены в каждую вещь трудом человека, ее творца.

Трансцендентальная философия постулирует существование идеальных структур (у Канта это – априорные формы чувственности и категории рассудка), лежащих в основе сознания и незаметно для него, т.е. неосознанно, определяющих всю сознательную деятельность людей. В человеческом сознании есть нечто, несводимое к формам общественного бытия людей и не выводимое из каких бы то ни было процессов внешнего мира. Это «нечто» – принципы и схемы его работы внутри нашего сознания, определенные им границы

познавательных способностей – и составляет предмет трансцендентально-философских исследований.

Авторы настоящих этюдов на многое смотрят по-разному, их философские симпатии и оценки не совпадают. Кто-то сочтет это за недостаток и будет отчасти прав. Зато читатель получает возможность «бинокулярно» взглянуть на развитие советской философии сознания, с тем чтобы самостоятельно определить свои предпочтения.

Мы не ставили своей целью дать полный обзор концепций сознания, изложенных в философской литературе советской эпохи. Это вряд ли возможно сделать в одной монографии, а главное – в наши дни мало кому интересна унылая схоластика диамата и истмата, в количественном отношении составлявшая основной массив публикаций по теме сознания, равно как и по «марксистско-ленинской философии» вообще. Мы приложили все наши старания, дабы выделить то ценное и живое, что может представлять интерес сегодня и, хотелось бы надеяться, завтра. Цельности и связности исследования мы добивались не столько за счет широты охвата материала по избранной теме, сколько благодаря выявлению историко-генетических связей между теориями, идеями, подходами. Советская философия сознания складывалась в их диалоге, критической рефлексии и, нередко, открытом противоборстве. Такого рода процессы представляют для нас предмет особого интереса. Эти творческие контакты, взаимные притяжения и отталкивания, и создали тот феномен, который мы именуем «советской философией сознания».

А.Д. Майданский

Ленинская теория отражения и дискуссии о природе сознания

Проблема отражения мира в сознании человека уходит своими корнями в античную философию. В Новое время Ф. Бэкон проводит сравнение познающего человеческого разума с «неровным зеркалом», отражающим вещи с известным коэффициентом преломления. В диалектическом материализме 30–50-х годов теория отражения достигает пика своего развития. Сегодня мы имеем возможность взглянуть на ход тех дискуссий с исторической дистанции, без идеологических предубеждений. Такая ретроспекция всегда бывает полезна, если вы хотите избежать старых ошибок, а может быть, и обнаружить нечто полезное для дальнейшего исследования природы сознания и познания – особенно если кто-то решит воспользоваться категорией отражения.

Советскую философию, ориентируясь на образцы школьного диамата, зачастую представляют как догматичную, полную штампов и банальностей. Между тем за многими, казалось бы, примитивными формулировками скрыта большая работа философской мысли, пытавшейся выжить в крутых идеологических баталиях. В марксистско-ленинском учении о природе сознания нет, кажется, ни одного тезиса, который не прошел бы через горнило жарких дискуссий, где речи участников нередко напоминали «потусторонний звук летящей мины, привет с того света» (Лифшиц). Признание этого не отменяет, конечно, всего того догматизма и схоластики, которыми был наполнен советский период, в том числе и в пространстве философских споров.

Наиболее интенсивно в советской философии развивалась теория сознания и познания как отражения природного и общественного бытия. Сегодня не прекращаются споры о диалектике, характере отражения бытия сознанием, о том, кто является подлинным наследником творческого марксизма, а кто – эпигоном. Дискуссии по этому поводу велись на протяжении всего советского периода и были отмечены именами Э.В. Ильенкова, П.В. Копнина, М.М. Розенталя,

В.А. Лекторского, З.М. Оруджева и многих других. Мы остановимся на дискуссиях 20–50-х годов, времен формирования марксистско-ленинской теории познания.

Сталинистские истоки дискуссии

О том, как шла борьба за власть в процессе институализации советской философии, подробно повествуется в работах С.Н. Корсакова¹. Знаменитая дискуссия 20-х годов между деборинцами и механистами вылилась в дискредитацию и тех и других, расчистив место для молодых апологетов и теоретиков сталинизма. «1930 год стал последним годом первого периода существования Института философии. Против деборинского философского руководства начали наступление “молодые силы” выпускников философского отделения Института красной профессуры во главе с М.Б. Митиным... Деборинская линия на разработку фундаментальных теоретических и историко-философских проблем, которая проводилась в Институте философии, не могла не пасть жертвой новой идеологической кампании по “борьбе на два фронта” в философии: не только против “механистов”, но и против “диалектиков”»².

Справедливости ради надо заметить, что «красных профессоров» учили политизировать философию как раз те, против кого эти молодые профессора впоследствии и направят полученные навыки идеологической борьбы. А.М. Деборин прямо называет М.Б. Митина, П.Ф. Юдина и В.Н. Ральцевича своими учениками – «теми, кого я обучал азбуке марксизма и которые на моих плечах стали важными сановниками»³. Как сетовал Деборин, его питомцы использовали против него те знания и аргументы, которым он сам когда-то их научил, обвиняя его в незнании тех истин, которые они впервые от него же слышали. Этот прием «зеркальной аргументации» на долгие годы станет весьма распространенным в советской обвинительной риторике.

---

¹ См., в частности: *Корсаков С.Н.* Становление Института философии и судьбы философов при сталинском режиме // Наш философский дом: к 80-летию Института философии РАН. М.: Прогресс-Традиция, 2009. С. 95–195.

² Там же. С.100.

³ Воспоминания академика А.М. Деборина / Публикация С.Н. Корсакова // Вопросы философии. 2009. № 2. С. 126.

Принцип партийности обязывал учитывать классовый интерес при обсуждении любых научных тем, в первую очередь – философских. «Маркс и Энгельс от начала и до конца были партийными в философии, умели открывать отступления от материализма и поправки идеализму и фидеизму во всех и всяческих “новейших” направлениях», – указывал В.И. Ленин⁴. Правда, он не отождествлял напрямую партийность в философии и в политике. Так, например, меньшевик Г.В. Плеханов оказался союзником Ленина в борьбе с махистской философией большевиков А.А. Богданова, А.В. Луначарского и др. Партийность в философии состоит в защите материализма против идеализма. Если материализм внутренне связывался с наукой, то идеализм традиционно ассоциировался с религией.

Принцип партийности главенствовал во всех областях знания, подобно тому, как в искусстве и литературе господствовал метод соцреализма. Смена политики партии влекла за собой соответствующую коррекцию философских взглядов. «Партийность требовала адогматизма. Он, в свою очередь, – диалектики в качестве обоснования и размывания границ философии – выведения ее за пределы научной дисциплины в область мировоззрения и идеологии»⁵.

Философия превращалась в область идеологии, этой «извращенной формы» сознания, по Марксу. Удобным оказалось соединение идеализма не только с фидеизмом, но и с политической позицией меньшевиков – пусть и бывших, но все же врагов революции. Материализм же стал завоеванием большевиков. Таким образом, философия постепенно превращалась в оружие борьбы классов.

Стоит напомнить, что критика Митина, направленная против деборинцев, была связана в том числе с дискуссией о «ленинском этапе в философии»⁶. Деборина обвиняли в недооценке Ленина-теоретика и, напротив, переоценке им роли Плеханова в теории диа-

---

⁴ Ленин В.И. Материализм и эмпириокритицизм // Ленин В.И. Полн. собр. соч.: в 55 т. Т. 18. М.: Политиздат, 1968. С. 360.

⁵ Добренко Е.А. Метасталинизм: диалектика партийности и партийность диалектики // Вестник Томского государственного университета: Философия. Социология. Политология. 2014. № 3 (27). С. 30.

⁶ Иегошуа Яхот справедливо называл дискуссии о ленинском этапе «камуфляжем» и дымовой завесой, под прикрытием которой формировался культ личности Сталина. См.: Яхот И.И. Подавление философии в СССР (20–30 годы) // Вопросы философии. 1991. № 11. С. 72–83.

лектики. В современной литературе дебаты продолжаются. С.Н. Мареев формулирует оппозиционную схему: Ленин против Плеханова. При этом Деборин изображается как представитель «анти-ленинского» подхода в философии и крестный отец диамата, процветавшего в сталинский период.

Деборин действительно считал творцом русского марксизма Плеханова, а Ленина – лишь его учеником и последователем (что исторически правомерно). Также очевидно, что если его ученики стали сталинской идеологической услугой, то вина косвенно лежит и на учителе. Но достаточное ли это основание для обвинения Деборина в создании вульгарного диамата? – вопрос открытый, и ответ может быть отрицательным. Например, С.Н. Корсаков считает Деборина подлинным диалектиком, а ярким сталинистом – Митина, являющегося, к тому же, основоположником вульгарного диамата.

С.Н. Мареев видит главный недостаток плехановско-деборинской диалектики в том, что диалектика понималась «не как логика, не как теория познания, а скорее, как онтология»⁷. Диалектика также понималась им весьма абстрактно, «а именно, как наука о законах, действующих одинаково в природе, обществе и человеческом мышлении»⁸. Так определяли диалектику на протяжении всех лет существования советской философии во всех советских учебниках, и те, кто клеймил Деборина как меньшевистствующего идеалиста, – митины, юдины, константиновы и иже с ними. Формулировка философии «как науки о законах развития человеческого мышления, отражающего законы развития природы и человеческого общества»⁹, кочевала из учебника в учебник до конца советских времен.

Деборин обнаруживает фундаментальное знание западной философии и пытается показать диалектический материализм как закономерный итог развития философского мышления от психологических теорий Юма и Беркли – к немецкой классике. «Материалистическая диалектика – наука об общих законах объективного мира и познания. Диалектика исключает возможность конечного бытия. Диалектика рассматривает общие формы или определения мышле-

---

⁷ Мареев С.Н. Из истории советской философии: Лукач – Выготский – Ильенков. М.: Культурная революция, 2008. С. 23.

⁸ Там же. С. 24.

⁹ Диалектический и исторический материализм: в 2 ч. / Под ред. М.Б. Митина. Ч. 1. М.: Партиздат, 1934. С. 105.

ния одновременно как общие формы и определения вещей, общие законы вещей суть и общие законы мышления. Только в этом случае и возможно объективное познание реального мира»¹⁰. Такое описание диалектики восходит к Гегелю и Энгельсу, но в нем мало общего с митинским диалектизмом.

Деборин в своих «Воспоминаниях» противопоставлял Ленину не Плеханова, но Сталина, который, с его точки зрения, «возымел желание стать выше Ленина и как теоретик, как философ, для чего у него не было никаких данных»¹¹. Сам Деборин, напротив, демонстрирует свою внутреннюю близость к Ленину через общую обоим симпатию к Гегелю и гегелевской диалектике. С его точки зрения, Сталин, нанося удар по меньшевистствующим диалектикам-идеалистам, на самом деле целился в Ленина, исподволь заменяя его имя своим, добавляя к ленинизму еще и сталинизм. «Худосочный очерк» Сталина «Об историческом и диалектическом материализме» был написан при участии Митина. В 1938 году он вошел в «Краткий курс истории ВКП (б)», который был тем же Митиным назван «энциклопедией марксизма». В нем, как мы знаем, даже не оказалось закона отрицания отрицания, который, по остроумному выражению Е. Добренко, «отмер» за ненадобностью¹².

С появлением на политической арене германского фашизма стало еще затруднительнее поддерживать диалектику Гегеля, как теперь утверждалось, «весьма привлекательную для фашизма»¹³.

Дебаты 30-х годов вокруг ленинской теории отражения

Описанные выше перипетии становления советской философии связаны с определением сути материалистической диалектики и специфики сознания в контексте ленинской теории отражения. Дискуссия вокруг этой теории возникла в начале 1930-х; к этому времени тезис о первичности бытия и его отражении сознанием стал устойчивым стереотипом, требующим, однако, бесконечных изош-

---

¹⁰ Деборин А.М. Ленин как мыслитель. М.; Л.: Госиздат, 1929. С. 86, 88.

¹¹ Воспоминания академика А.М. Деборина. С. 127.

¹² Добренко Е.А. Метасталинизм. С. 28.

¹³ Митин М.Б. Гегель и теория марксистской диалектики // Под знаменем марксизма. 1931. № 11–12. С. 28.

ренных усилий для уточнения его сути. Важную роль здесь играли споры вокруг книги Ленина «Материализм и эмпириокритицизм». В частности, в 1934 году прошла специальная сессия, посвященная юбилею книги (25-летию ее первой публикации) и появилась целая серия статей, сборников, выступлений по этому поводу. В них мы можем познакомиться с самыми разными подходами к пониманию материи, сознания и отражения. Юбилей книги стал идеологическим предлогом для расстановки «правильных акцентов» в советской философии в целях формирования культа личности «товарища Сталина».

Рассмотрим некоторые статьи из сборника «“Материализм и эмпириокритицизм” Ленина», изданного в 1935 году. Разбирая выдающуюся роль и значение ленинского этапа в философии, авторы попутно, все еще рьяно, критиковали Деборина и его школу. Так в статье Р. Янковского – одного из редакторов сборника, подчеркивается тезис о партийном характере философии, идущий от Ленина и раздуваемый Сталиным. На этом основании подвергается громогласному осуждению философия «меньшевистствующего диалектика» Деборина за его явную склонность к кантианству, в котором «смазывается борьба партий в философии... и центром становится синтез эмпиризма и рационализма»¹⁴.

Склонность к кантианству Ленин обнаружил еще у Плеханова, а так как Деборин официально считался его последователем, то, следовательно, нес груз тех же «ошибок» и той же «вины», что и его учитель. Удар наносился как по всему направлению «неподлинной» диалектической мысли, так и по идеалистической диалектике Гегеля. Оказалось, что Деборин «неправильно» ее использовал в своей философии, забыв, что диалектика – не только метод исследования, но и мировоззрение, то есть идеология. Меж тем, отказавшись видеть в философии идеологию, Деборин демонстрировал как раз приверженность взглядам Маркса и Энгельса, объявившим идеологию ложным сознанием.

Заодно Янковский разоблачает и Аксельрод, когда-то серьезно критиковавшую Ленина. Она назвала ленинскую позицию «наивным реализмом», а не материализмом. Ленин действительно сочувствен-

---

¹⁴ Янковский Р.А. Важнейший документ ленинского этапа в философии // «Материализм и эмпириокритицизм» Ленина / Под ред. В. Ральцевича и Р. Янковского. Л.; М.: Соцэкгиз, 1937. С. 7.

но писал о наивном реализме, под которым понимал здравый смысл, лежащий в основе любого стихийного материализма. Аксельрод же правомерно различала материализм и наивный реализм, свойственный эмпириокритикам и Вл. Ильину (псевдоним Ульянова-Ленина): «Основа наивного реализма, которая сводится к полному отождествлению психического и физического, остается для обоих (т.е. для эмпириокритиков и Ленина. – С.К.) одной и той же. Материализм же стоит на той точке зрения, что ощущения, вызванные действием различных форм движения материи, не похожи на объективные процессы, порождающие их»¹⁵.

Янковский вроде бы и сам соглашается с присутствием идеи наивного реализма у Ленина, но указывает, что Ленин вовсе не отождествляет физическое и психическое. Напротив, он в психическом видит *отражение* физического, тем самым оставаясь на почве материализма. Янковский утверждает, что само слова «отражение, образ»¹⁶ уже говорят об отсутствии удвоения или психофизического тождества: «Весь смысл теории отражения в гносеологии заключается в утверждении реального взаимодействия, реальной связи между объектом и субъектом, отсутствия необходимой принципиальной пропасти между вещью в себе и ее познавательным образом, явлением»¹⁷. Любопытно, конечно, что для торжества материализма философ пользуется кантовской терминологией.

Для Ленина различие между «вещью в себе» и «явлением» лишено реального смысла. «Решительно никакой принципиальной разницы между явлением и вещью в себе нет и быть не может. Различие есть просто между тем, что познано, и тем, что еще не познано, а философские измышления насчет особых граней между тем и

---

¹⁵ Аксельрод Л.И. (*Ортодокс*). Рецензия на книгу: Вл. Ильин. Материализм и эмпириокритицизм. Критические заметки об одной реакционной философии // Современный мир. 1909. № 7. С. 209.

¹⁶ В этой связи Деборин напоминает, что «образ – это слово “идея”, которое мы так часто употребляем, означало первоначально *чувственный зрительный образ*. Слово это образовалось от греческого глагола “eidos” – видеть. В смысле чувственного зрительного образа этот термин употребляется еще Демокритом, и только у Платона это понятие приобретает специфическое значение некоей умопостигаемой формы» (*Деборин А.М.* Проблема познания в историко-материалистическом освещении // Под знаменем марксизма. 1934. № 4. С. 117).

¹⁷ Янковский Р.А. Важнейший документ ленинского этапа в философии. С. 38.

другим, насчет того, что вещь в себе находится “по ту сторону” явлений (Кант), или что можно и должно отгородиться какой-то философской перегородкой от вопроса о непознанном еще в той или иной части, но существующем вне нас мире (Юм), – все это пустой вздор, Schrulle, выверт, выдумка»¹⁸. Именно такие пассажи и подвергаются острой критике в работах Аксельрод, именно в них она и обнаруживает удвоение или крайнюю примитивизацию процесса познания. Она оценила книгу 1909 года в целом как философски слабую, эклектичную, полемически задорную, но не научную. Свободная критика Вл. Ильина в 1909 года обернулась опасным ярлыком ревизионистки и откровенной партийной травлей в 1930-е.

Янковский между тем и сам описывает отражение наподобие некоей кальки предмета в сознании или ощущении, по принципу «сходства снимка с моделью», не выходя за пределы вульгарного удвоения. Безусловно, такая позиция, как и приводимые им многочисленные примеры из мира восприятия физических объектов человеческим глазом или ухом, отдают тем наивным реализмом, сенсуализмом и позитивизмом, от которого он на словах отмежевывался. Он обвиняет идеалистов в том, что они познавательную активность и отражение приписывают только духу или субъекту, тогда как, по Ленину, – это лишь низший вид отражения – «мертвый зеркальный акт». Высшим же типом отражения, в интерпретации Янковского, является практика – практическая деятельность сознания, при которой материя в познании дана не только через ощущения, но и через понятия. Как понятия формируются в практике и как связана с этим созерцательная форма мышления (глаз и ухо), из его деклараций неясно. Апеллируя к науке, он заодно борется с ней, с ее неспособностью самостоятельно обобщать результаты эмпирических данных.

При этом он не вспоминает, что идею связи практики и теории, в более четкой формулировке ранее уже изложил Деборин. «Объективная действительность, осознание этой действительности и практическое наше воздействие на нее, то есть активное изменение человеком изменяющейся действительности на почве понимания в процессе ее изменений, – вот те звенья, которые диалектически объединяются в синтетическое целое. Практика в этом нашем понимании составляет диалектический синтез объективной действитель-

---

¹⁸ Ленин В.И. Материализм и эмпириокритицизм. С.102.

ности и субъективного познания ее. Марксизм самую практику поднял на теоретическую высоту, сделав вместе с тем теорию необходимым элементом практики»¹⁹.

Критика Янковского построена на какой-то извращенной, и в то же время, универсальной логике: уничтожить врага, черпая свои аргументы из его же теорий (по сути, беззастенчиво воруя его мысли). К этому стоит добавить и известный манипулятивный прием домысливания за оппонента то, что он не говорил, но что ему смело можно приписать, как потенциальному врагу. Принцип «кто не с нами, тот против нас» был одним из любимых в советской репрессивной идеологии. Трудность заключалась в том, чтобы суметь уследить за линией партии – «свои» могли очень быстро превращаться в «чужих», и наоборот.

Партийную линию в философии продолжает и статья Д. Рудника «“Материализм и эмпириокритицизм” как документ партийной борьбы». Он также обрушился на Деборина и Аксельрод, обнаружив у обоих криминальные высказывания против большевиков и самого Ленина, автоматически увязывая принцип критики с интеллектуальной диверсией: трагическим непониманием сути партийности в философии. Не важно, что ссылки даются на статьи дореволюционного периода, не имеет значения и факт изменения/развития и человека, и его убеждений. Руднику понадобилось не только критиковать меньшевиков от философии, но и одновременно связать их деятельность с Плехановым, с которым Ленин в своей книге в 1909 году вступил в явный союз против махистов, ликвидаторов и прочих идеологических оппонентов. Поэтому надо было скоординировать дозволенные и недозволенные критические оценки и позиции. Ко времени выхода сборника, с Плехановым, как и с меньшевистствующими диалектиками, уже разобрались – их идеи были окончательно разгромлены, и оставалось лишь закрепить идеологическую риторику о том, что любое отступление от большевизма автоматически означает скатывание в буржуазный ревизионизм и контрреволюцию. Статья Рудника – характерный образчик пропагандистски-идеологического дискурса эпохи и демонстрация механизма формирования мифо-языковых основ вульгарного диамата. Попутно заметим, что практически все языковые идеологемы того времени рядятся в одежды объективности и научности.

---

¹⁹ Деборин А.М. Ленин как мыслитель. С. 60

В статье другого редактора сборника и бывшего ученика Деборина, В. Ральцевича, проводится линия сближения деборинцев и механистов с целью демонстрации их общего непонимания ленинского наследия, указания на отрицательную роль обоих направлений в становлении марксистской философии. Суть критики проста. Деборин недооценил «Материализм и эмпириокритицизм», находя философскую значимость лишь в «Философских тетрадах» Ленина. Механисты, напротив, не признают «Философских тетрадей», манипулируют данными из «Материализма и эмпириокритицизма», подменяя философию псевдонаучными понятиями и теориями. Здесь досталось деборинцу И.К. Лупполу (1896–1943), который посмел противопоставить указанные работы Ленина друг другу и откровенно восхищаться ленинской оценкой гегелевского идеализма.

Статья Ральцевича написана в лучших традициях догматической схоластики и учебников по марксизму-ленинизму. Оказывается, единственной целью анализа Луппола было подвергать ленинский анализ к идеологии меньшевистствующего идеализма (здесь слово «идеализм» полностью заменило «диалектику» Янковского). Луппол, согласно Ральцевичу, не понял того, что похвалить Гегеля Ленин, конечно, мог, но встать на точку зрения идеализма, конечно, не мог. Этим он и отличен от деборинцев, с легкостью предавших свои позиции в угоду идеализму и искаженному пониманию диалектики. Луппол «нарочно» разрывает ленинский материализм и диалектику, для того чтобы протащить диалектику как метод и отказаться от материализма как мировоззрения.

Ральцевич обвинил механистов и деборинцев в близорукости, из-за которой они не увидели в «Материализме и эмпириокритицизме» сути материалистической диалектики. Фактически его высказывания – просто пересказ обвинений Митина, изложенных в учебнике 1933 года: «Представители идеалистической ревизии марксизма видели все существо диалектического материализма в том, что он является “методом”. Ставя таким образом вопрос, они *отрывали метод от общепhilosophического мировоззрения*, отрывали диалектику от материализма. Не верна и механическая точка зрения, которая видит в философии марксизма *только общепhilosophическое мировоззрение*, притом тождественное с выводами механического естествознания, не понимая при этом, что наша философия не есть просто материализм, а *диалектический материализм*»²⁰.

---

²⁰ Диалектический и исторический материализм. Ч. 1. С. 104.

«Материализм и эмпириокритицизм» породил целую серию изданий в этот период. В 1934 году вышел уникальный четвертый номер журнала «Под знаменем марксизма», в котором оппоненты собрались под одной обложкой. Наконец появилась общая площадка, позволившая высказаться не только главному сталинисту того времени, но и бывшему диалектику, а теперь меньшевистствующему идеалисту Деборину и бывшему лидеру механистов – Аксельрод. Митин среди них был единственный «не бывший», но настоящий и будущий проводник сталинских идей в жизнь, во многом способствующий укреплению культа Сталина. Несмотря на то, что разговор шел все о том же 25-летнем юбилее ленинской книги, акцент был сделан больше на ленинской теории отражения.

Номер начинается статьей Н.К. Крупской, которая, перечисляя решаемые Лениным в книге задачи, повторяет его вывод о том, что любой идеализм не просто буржуазен, он еще и религиозен по своей сути; лишь диалектический материализм, будучи идеологией рабочего класса, ставит во главу угла идею партийной природы всякого философского знания. Крупская подтвердила идею необходимости подавления философского инакомыслия, ибо и махисты, и любого рода идеалисты своими рассуждениями зовут в религиозные дебри и тем самым «мешают развитию самосознания масс. С ними нужна борьба»²¹.

В статье Митина, наряду с фонтаном парадной риторики – *бесмертная книга, гений Ленина, высококачественная большевистская сталь* и т.п., – выстраивается оппозиция: Плеханов против Ленина. Первый имеет значение лишь в роли просветителя и популяризатора марксизма, а Ленин – в качестве основоположника творческого марксизма. Любопытна историко-философская картина, рисуемая Митиным в период 1904–1910 годов. Ленин, по его словам, показал, что главная борьба за умы людей шла между религиозным/философским идеализмом и дореволюционным марксизмом. Поэтому он и бросил все свои силы на борьбу с религиозно-идеалистической философией во всех ее проявлениях. В этой борьбе досталось и В.С. Соловьеву, и веховцам, и кантианцам, и махистам. Создается впечатление, что Ленин один, как главный богатырь зем-

---

²¹ Крупская Н.К. К 25-летию выхода в свет книги Ленина «Материализм и эмпириокритицизм» // Под знаменем марксизма. 1934. № 4. С. 7.

ли русской, противостоял не только «Богу», но и всей «реакционной философии» начала XX века. Стоит, впрочем, согласиться, что тенденция в описании дореволюционной ситуации как противостояния религиозного и революционного мировоззрений, включая и видение будущего России, обозначена Митиным верно.

Упомянув махизм, Митин не упустил случая вновь пнуть Деборина и Аксельрод, как клеветников на ленинские наследие, утверждавших связь махистов и большевиков. Разговор о неомахизме, как и прежде, переводил разговор в плоскость обоснования сути ленинской теории отражения, ее отличия от махистского мира как «комплекса ощущений». Обосновать научность теории отражения Митин решил путем пространного доказательства стихийно-материалистического характера мировоззрения естествоиспытателей – Планка, Эйнштейна и других – и современной физики в целом. Ученый – всегда материалист в науке, несмотря на то что в философии он может оказаться махровым мракобесом. Отсюда вывод: подлинная философия может быть только научной, то есть быть диалектическим материализмом. В науке же могут быть любые странности, связанные с разрывом между разумом и верой ученого. В этих сентенциях, как мы понимаем, закладывались риторические мины не только под свободную мысль в философии, но и под личность, и даже жизнь ученого.

Далее Митин обращается к ленинской теории отражения, которая к тому моменту уже вошла в учебники страны. Он коротко формулирует ее суть:

(1) любой материализм так или иначе основан на принципе отражения;

(2) теория отражения – высшая ступень в марксистской теории познания.

«С точки зрения материалистической диалектики, отражение, равно познание, рассматривается как исторический процесс, процесс познания общественного человека на основе его общественной практики, начинающейся с ощущения и кончающейся конкретным понятием диалектического материализма, воспроизводящем в мышлении действительность во всей ее конкретности»²².

---

²² Митин М.Б. Актуальные вопросы теории отражения и «Материализм и эмпириокритицизм Ленина // Под знаменем марксизма. 1934. № 4. С. 34.

По Митину, в отражении самое главное – это признать независимый от субъекта внешний мир и факт его отражения «в голове». Он сетует на западную философию, которая не усвоила уроки Ленина (а должна была!), и потому тамошние философы впадают в две крайности: либо отождествляют ощущения и реальный предмет, либо полностью их разделяют. Митин упоминает Бергсона, неокантианцев, теории символизма Рилья и Кассирера, физику Пуанкаре и т.д. Он приводит разнообразные аргументы и против их философии, и против науки, заключая, что «теория познания диамата утверждает, что данный сознанию предмет есть копия, существующего вне сознания предмета»²³.

Далее он вновь вспоминает про дискуссию Ленина с махистами, указав на два ее основных вопроса: мыслит ли человек при помощи мозга и была ли земля до человека? Митин не приводит никаких логических аргументов или контраргументов, ограничиваясь тезисом о том, что Ленин уже одной постановкой вопроса о природе сознания, опираясь на теорию отражения, разгромил всю «махистскую группировку». Для Митина связь сознания и работы мозга однозначна. Он восторженно ссылается на авторитет Сеченова и Павлова. «Учение об условных рефлексах, учение о роли коры полушарий головного мозга, о локализации раздражений в коре головного мозга, дают богатый фактический, экспериментально неоднократно проверенный материал, показывающий всю правоту ленинской материалистической постановки вопроса»²⁴.

Митин здесь выставляет четкие границы науке, которая может лишь подтверждать философские идеи марксизма, но никак не делать самостоятельные, философски значимые выводы, основанные на своих же собственных данных. Павлов и другие естественники – стихийные материалисты и никудышные философы, не умеющие мировоззренчески осмыслить свои собственные опыты. Таким образом, Митин расчищал место «науки всех наук» – диалектическому материализму с его правом арбитра в теории научного, да и всякого иного, познания. Диамат призван был объяснить и физике, и машиностроению, и сельскому хозяйству, по каким принципам они работают. По сути, митинский диамат претендовал на лавры аристотелевой метафизики.

---

²³ Там же. С.36.

²⁴ Там же. С.40.

Еще любопытнее посмотреть на интерпретацию «Материализма и эмпириокритицизма» Л.И. Аксельрод, спустя четверть века после ее первой критической рецензии на эту книгу. Она построила свое выступление в историко-философском контексте и напомнила о борьбе за марксистскую философию в конце XIX века. Особое внимание уделялось попытке неокантианцев соединить Маркса и Канта. Аксельрод обращается к имени Плеханова, которого ставит практически в один ряд с Лениным и упоминает их в основном вместе, как равных друг другу мыслителей. Такая риторика кажется удивительно смелой в 1934 году. Аксельрод демонстрирует не только свое личное знакомство с Лениным, но и свое личное право на его критику, как товарища по революционной борьбе.

Выстроив новую мировоззренческую оппозицию в духе времени: марксизм и фашизм, – она переходит далее к обсуждению своей рецензии 1909 года. Аксельрод иронически и откровенно говорит о многих вещах, напоминает даже о своем меньшевистствующем прошлом, и своей речью вызывает невольно гораздо большее уважение, чем покаянные выступления многих соратников-мужчин. Далее она концентрируется на ленинской теории отражения.

Солидаризуясь с Лениным, она пишет: «Энгельс употреблял этот термин, но термин “отражение” имеет двоякий смысл. Первый смысл тот, что материализм противопоставляется идеализму. Идеализм во всех своих формах и разновидностях утверждает, что материя, материальный мир, материальная действительность есть отражение идеальной субстанции. Материализм утверждает противоположное: что идея есть отражение в нашем мозгу материального мира. Это один смысл отражения...»²⁵. Но гораздо важнее гносеологическое прояснение отражения: как работает наше сознание, копируем ли мы мир в отражении? Аксельрод в первой рецензии резко разошлась с Лениным именно в этом вопросе. Она критиковала непонимание им природы знака, символа, сути копирования и т.д. Теперь она пересмотрела свою критику и призналась, что Ленина понимала буквально, тогда как под «отражением» он разумел активность познающего субъекта, по сути, реализацию главного тезиса Маркса о том, что идеальное – это материальное, пересаженное в голову и переработанное в ней. В итоге, она делает обобщение, отре-

---

²⁵ Аксельрод Л.И. О борьбе Ленина с философским ревизионизмом и вопросы теории отражения // Под знаменем марксизма. 1934. № 4. С. 141.

каясь и от кантианства, и от символизма, и от логического позитивизма: «Познание есть активное взаимодействие двух вещей, как Маркс выражается в “Капитале”, субъекта и объекта, и наши представления являются результатом взаимодействия двух объектов, причем один объект: объект-субъект сознает это взаимодействие. Так именно по моему мнению и понимал Ленин “отражение” ... Познание есть движущий процесс»²⁶.

Приведем еще одно рассуждение бывшего диалектика, а в 1934 году уже заклеянного меньшевистствующего идеалиста Деборина по поводу книги Ленина и теории отражения. Задача его выступления сводилась к выяснению «в ленинской гносеологии, теории отражения, учения об относительном, об историческом характере всего нашего знания, всех понятий, вопроса о соотношении относительной и абсолютной истины и, наконец, вопроса о неизбежности новых революций вследствие преодоления каждого данного познавательного предела»²⁷.

Деборин связал вопрос об отражении с учением об абсолютной и относительной истинах, утверждая, что отражение никогда не тождественно самому отражаемому, так как вся человеческая жизнь протекает в непрерывном развитии и исторической изменчивости. Таким образом, очевидно, что знание носит исторический характер и напрямую зависит от практических потребностей и деятельности людей. Деборин описывает развитие знания схоже с тем, как Т. Кун описывал теорию научных революций. Он пишет о том, что каждый раз знание, достигая своего предела, оказывается в ситуации, близкой к революционной, разрушающей пределы знания. «В результате такого разрушения мы открываем новые формы материи, новые формы движения, энергии, новые формы связи, закономерности, а вместе с тем новый подход к единству мира, к единству всего многообразия вещей, явлений и процессов»²⁸. Принцип деятельности в такой постановке оказывается за пределами его рассуждений.

Деборин развивает и тему наивного реализма у Ленина, о которой писали и Янковский, и Аксельрод. Подтверждая приверженность Ленина к здравому смыслу, точке зрения «толпы» или даже всего «человечества», он подчеркивает, что наивное убеждение

---

²⁶ Там же. С. 142.

²⁷ Деборин А.М. Проблема познания в историко-материалистическом освещении // Под знаменем марксизма. 1934. № 4. С. 111.

²⁸ Там же. С.112.

в существовании мира вне меня или вне нас в научном материализме (читай: в ленинской интерпретации) лежит в основании всей теории познания. Таким образом, источник познания обнаруживается в опыте людей, а не в замкнутой работе сознания, которое Деборин называет «точкой зрения сумасшедшего фортепиано». Он же главный недостаток, как идеализма, так и домарковского материализма видит в созерцательном абстрактном характере понимания чувств, сознания, да и самого человека.

Человек же – существо не созерцающее, а активное, практическое, и его органы нельзя рассматривать автономно вне связи со всем организмом. Организм для Деборина – синоним целостности, а не какая-то физиологическая система, как у механицистов. Философ дает развернутую этимологическую справку о понятиях, близких по смыслу к знанию, истине, видению и т.д., обнаружив недюжинную эрудицию. Он показал, что слово «знание» этимологически и исторически связано с чувственным (зрительным) образом, а понятие – «с рукой как органом деятельности»²⁹. Он напоминает в этой связи теорию Н. Марра, который, как раз и рассматривал руку и как орган речи, и как первое орудие производства. Деборин делает вывод, что «основные познавательные категории, понятия, так и органы познания не только не являются априорным достоянием неизменного сознания или абстрактного Я, а представляют собой результаты тяжелого труда, постепенного, длительного процесса... уходят корнями в земную почву материального производства и производственных отношений, в первичные формы деятельности»³⁰. Деборин добавляет, что понятия формируются не только как многократное обобщение практики в логике, но и благодаря фантазии, открывающей клапан и для идеализма, и для мифологии. В то же время «история мышления дает нам богатейший материал для установления того положения, что понятия, как общее правило, рождаются двойсками³¹, от одной матери. Здесь противоположность дана в единстве»³². В итоге, мышление есть не что иное, как развитие более высокой формы отражения внешнего мира и его закономерностей.

---

²⁹ Там же. С. 118.

³⁰ Там же. С. 120.

³¹ Невольно вспоминается слово «двоешки» у А. Платонова в «Котловане».

³² Там же. С. 124.

Онтогносеология М.А. Лифшица: новый поворот в теории познания

При изучении материалов данной дискуссии невольно задаешься вопросом: как вообще могла существовать хоть какая-то независимая мысль в России в тот период? М.А. Лифшиц объяснил ситуацию 30-х нарочито просто: те, кто ценил свое имя и действительно хотел заниматься «мышлением», избегали философии в ее диаматовском изводе. Многие уходили в литературу, искусство, эстетику. Как заметил Э.В. Ильенков, в то время выживали люди, «наделенные чувством юмора»³³.

Неожиданно в 50-е годы, казалось бы, вечный и незыблемый принцип партийности в философии и других гуманитарных науках оказался под мощным ударом самой партийной идеологии. Жесткий подход к оценке того или иного направления был объявлен «вульгарным социологизмом». С этого момента началась новая эпоха критики и нового этапа в развитии творческой мысли. Началась борьба за освобождение литературы и искусства от принципа партийности и вульгарного социологизма. Да и внутри философии находились ниши для более-менее свободного мышления, главным образом, в истории философии. Лифшиц, сопоставляя 30-е и 60-е годы, указал на новые обертоны философского мышления, связанные с развитием онтологической и гносеологической проблематики. «С конца сороковых годов Михаил Александрович работал над своей главной философской книгой об онтологии и теории познания (“онтогносеология”), включавшей в себя логическую систему, которую Лифшиц называл “теорией тождеств”. Однако вплоть до его смерти в 1983 году в печати время от времени появлялась только философско-литературная публицистика ученого»³⁴.

Работу Лифшица можно считать своеобразным развитием ленинской теории отражения и новым подходом к решению проблемы сознания. С одной стороны, это была реакция на ранние дискуссии, с другой стороны, в его теории познания проявились совершенно новые черты понимания сознания и отражения. Он не только критикует теории, согласно которым сознательная деятельность человека есть чистый произвол, но и выступает против идеи о том, что созна-

---

³³ Лифшиц М.А. Диалог с Эвальдом Ильенковым (Проблема идеального). М.: Прогресс-Традиция, 2003. С. 20.

³⁴ Арсланов В.Г. Послесловие. Non finito Мих. Лифшица // Там же. С. 293.